

СОЦИОКОДЫ ФИЛОСОФСКОГО И ОБЫДЕННОГО ОБРАЗОВ ЖИЗНИ

В предложенном исследовании сравниваются модели философского и обыденного образов жизни. Каждый из них имеет возможности, границы и перспективы своего существования. Тотальность обыденности не является пугающей, если умело сочетать ее позитивы с другими образами жизни, в том числе и философским.

Ключевые слова: философский образ жизни, обыденный образ жизни, творчество, деятельность.

У запропонованому дослідженні порівнюються моделі філософського та буденного способів життя. Кожен з них має можливості, межі та перспективи свого існування. Тотальність буденності не є такою, що лякає, коли вміло сполучати її позитиви з іншими способами життя, у тому числі й філософським.

Ключові слова: філософський спосіб життя, буденний спосіб життя, творчість, діяльність.

Models of philosophic and trivial ways of life are compared in the suggested research. Each of them has its opportunities, boundaries and perspectives of its existence. Totality of triviality isn't scaring if its positive features are skillfully combined with other ways of life, including philosophic.

The key words: philosophical way of life, trivial way of life, creativity, activity.

Актуальность. Новые тенденции развития общественного бытия в XXI веке требуют разностороннего изучения компонентов современных социальных процессов. Наблюдаются качественные изменения в поведении, общении, деятельности, отношениях. И они нуждаются в многоаспектном осмысливании. В том числе и трансформированный образ жизни требует конкретизации преобразованных свойств и обновленных структурных составляющих с учетом преемственности форм бытия. К их числу относятся философский и обыденный образы жизни. Исследование особенностей данных социальных образований поможет разнообразить панораму видения житейских проявлений, позволит уяснить основу людской со-бытийности, высветить своеобразие черт каждого в их сущностной полярности.

Степень изученности проблемы. Проблемы обыденного стали вызывать неподдельный интерес в 60-ые гг. XX века, прежде всего в связи с изучением общественного сознания, его структуры и функций (В. Келле, М. Ковальзон, М. Коул, В. Лекторский, А. Лесли, С. Рубинштейн, Дж. Серль, С. Скрибнер, Б. Туровский, А. Уледов, А. Шимони). С годами границы рассмотрения расширялись. Объектом внимания становились обыденное мышление, обыденное познание, здравый смысл, обыденная среда обитания (А. Бокуе, П. Гиро, А. Гуревич, Э. Гуссерль, Л. Ионин, И. Касавин, Б. Марков, В. Федотов, М. Хайдеггер, Р. Хартман, Э. Фукс, А. Шюц и другие). В последние десятилетия аспекты обыденности – повседневности не обойдены пристальным вниманием И. Карпенко, С. Климова, Н. Козловой, Ю. Левадой, В. Лелеко, Ю. Лотмана, Р. Шульги и других авторов.

Изучение обыденного образа жизни стало составной частью разноаспектного исследования сущности образа жизни в конце XX века следующими авторами: Г. Батыгиным, Е. Донченко, Е. Головахой, А. Здравомысловым, А. Колобовым, Б. Парыгиным, Л. Сохань. Их стремление системно подойти к анализу проблем образа жизни было с успехом осуществлено. Но формулирование дефиниции породило многочисленные варианты. Нам представляется наиболее приемлемым (Г. Глезерман) определение образа жизни как типичной формы жизнедеятельности. В меньшей степени философами, социологами, социальными психологами были уточнены разновидности образа жизни. Публицисты касались этого вопроса, подвергая критике мещанский, дворянский, купеческий, религиозно-церковный образы жизни. Философский образ жизни не нашел и у них освещения. Термин, введенный Т. Кампанеллой, был надолго предан забвению. Перспективно с философских позиций проанализировать обыденный образ жизни, сопоставляя его с философским. Предполагается, что актуальные для нас характеристики философского образа жизни будут выглядеть рельефнее, позволят перейти в анализе от сущности первого порядка к сущности и второго.

Мы не склонны обыденный образ жизни представлять как сплошь примитивное, духовно приземленное бытие. Нужда в нем объективно детерминирована множеством материальных и социальных явлений. Удовлетворяя соответствующие потребности, интересы, разрешая проблемы житейских ситуаций, обыденный образ жизни составляет неотъемлемую сторону общественного и индивидуального бытия.

Сравнительные срезы дадут нам возможность обнаружить немаловажный реестр своеобразий философского образа жизни, разнообразнее обрисовать его специфику. Существенно, что отдельные элементы обыденного имеются в философском образе жизни, но у мыслителей и философов они сведены к минимуму.

Цель статьи состоит в осуществлении соотношения между философским и обыденными образами жизни, в обрисовке особенностей каждого из них для того, чтобы особо подчеркнуть ингредиенты философского образа жизни. Важно отметить их отличие и единство, содержание функций и проблемы развития. Нами философский образ жизни определен как система методов и форм организации жизненных и творческих процессов мыслителем, направленная на поиски истины, формирование и распространение философской культуры.

Философский образ жизни всегда выявляет подчиненность жизненных процессов интеллектуальной устремленности для решения философских проблем, зависимость всей жизни мыслителя от эффективности их осмысливания. Философы всегда помнят, что жизнь чрезвычайно коротка, насыщена мучительными переживаниями, необыкновенно сложными перипетиями и катаклизмами. Многие из них, отваживаясь на познание и великое творчество, рисковали не только добрым именем своим и близких, но и здоровьем и жизнью.

История философии нам демонстрирует обилие драматических и трагических страниц в жизни большинства мыслителей. Преследования, доносы, интриги, ссылки, тюремные заключения, пытки, допросы, отравления, убийства, самоубийства, к великому сожалению, не обошли в течение веков почти никого из них. Торопясь как можно больше успеть, философы по возможности свои бытовые потребности

соподчиняли таким образом, чтобы их удовлетворение работало на основную потребность – служение философии. Постоянная погруженность в разрабатываемую тему, ориентир на многостороннее разрешение ее проблем требуют величайшего самоотречения от множества повседневных дел, возможностей широкого общения, облегченных способов существования. Образ жизни философа всегда обнаруживает акцентирование как приоритетной системы духовных ценностей, обеспечение хотя бы минимального внутреннего равновесия, достижение требуемого эмоционального и интеллектуального сосредоточения, тенденцию к пожизненной верности избранной теме. Мыслитель сориентирован на организацию постоянной умственной напряженности, планомерно насыщенной творческой деятельности [9, с. 207].

На примере жизни и творчества многоталантливого, плодотворно креативного философа, яркой личности – австрийского ученого Л. Витгенштейна (1889–1951) – мы отмечаем целенаправленную организацию им своего образа жизни. Обыденные процессы совершались так, чтобы была возможность уделять как можно больше внимания научным и философским занятиям. Кроме философии, он интересовался изобретательством, воздухоплаванием, совершенствованием реактивных двигателей, математикой, архитектурой, музыкой. В различные периоды своей жизни Л. Витгенштейн на длительное время уединялся, живя в Норвегии, где перед Первой мировой войной построил себе хижину в безлюдном месте. Именно данное время было исключительно интеллектуально активным [6, с. 13]. Участвуя добровольцем в этой войне на Восточном фронте, попал в плен. И даже тут интенсивно работал над своим «Логико-философским трактатом». Упомянутые годы были кризисными для него, сложными по многим причинам [6, с. 17, 166]. Архиважным оказалось знакомство с творчеством Л. Толстого. Особенно ценил «Хаджи-Мурата», «23 сказки», отмечая философскую сущность его произведений [6, с. 49]. Из сочинений Ф. Достоевского наибольшее влияние на него оказали «Записки из мертвого дома». После возвращения с войны и смерти отца Л. Витгенштейн отказался от большого состояния, перераспределив его между сестрами и используя деньги на меценатство. Всегда обыденная сторона его образа жизни отличалась простотой, умеренностью и даже аскетизмом: в одежде, питании, оформлении жилища. В его квартире все сверкало необыкновенной чистотой, идеальным блеском и постоянным порядком. Философ славился высокими требованиями к гигиене одежды и жилища даже в период разрушительных войн XX века.

Оказавшись в Англии, тяготился английским стилем жизни, задыхался в обстановке академической рутины Кембриджа. Посетил СССР, поездка его очень вдохновила. Подумывал даже о переезде туда на постоянное место жительства [6, с. 24]. Но в 1948 г. вновь предпочел уединенную жизнь в сельской местности в Ирландии, где общался только с простыми рыбаками.

Будучи человеком мощной силы ума, честным, ответственным, долженствующим, исключительно серьезным, ограничивал свои знакомства, но с близкими друзьями оставался сердечным и откровенным. Во время своего учительства в глухих селах Австрии подкармливал учеников из бедных семей, ежевечерне поднимаясь высоко в горы с рюкзаком еды за плечами.

Лекции в университете читал без всякой видимой подготовки и предварительных

записей, будучи уверенным, что иначе они потеряет свою ценность, исчезнет для студентов открытость механизма творческой мысли. Создавалось впечатление, что именно в ходе беседы с ними делаются философские открытия, раскрывается его видение философских проблем, постигается истина. Слушатели поддавали под влияние его «мыслительного процесса, исключительной глубины, силы и концентрации» ума [6, с. 34]. Находясь в постоянном умственном напряжении, требующем сосредоточения интеллекта и воли, Л. Витгенштейн предельно упрощал свой быт, систему своего питания, избегая суеты и многослойности хозяйственного уклада.

Как честнейший человек, мучился тем, что, по его мнению, преподавание философии в вузе требует притворства, неискренности, не позволяет быть серьезным и ответственным. Считал, что недобросовестное отношение к своим обязанностям, идеологический диктат существенным образом деформируют личность преподавателя [6, с. 43]. Бескомпромиссно называл преподавание философии «смертью заживо», но в письме к другу Н. Малкольму желал при исполнении преподавательского долга «несмываемой порядочности» [6, с. 43, 48].

В 1942 г. длительное время работал санитаром и лаборантом в английских госпиталях. Утверждал, что долг каждого порядочного человека всемерно помогать страждущим в столь трудное для страны время. Очень сожалел, что от усталости после работы в лазарете не может заниматься философией. Питание в этот период было очень скудным, но Л. Витгенштейн воспринимал эту ситуацию как единственно возможную и никогда не брюзжал.

Будучи взыскательным к себе, чрезвычайно пунктуальным, требовал того же от других. Выражал неудовольствие по поводу опоздания слушателей на пару минут на его лекции. Умирая, отметил, что прожил превосходную жизнь, что вызвало большие сомнения у автора воспоминаний [6, с. 96]. На наш взгляд, при всех трудностях, выпавших на его долю, тяжелых испытаниях во время Первой мировой войны, а также долгих годах депрессии и терзавших его мыслях о самоубийстве, жизнь Л. Витгенштейна была значительно благополучнее, чем у многих философов, претерпевших нищету, предательства, изгнания, многолетние пребывания в тюрьмах, восхождения на эшафот. У него было стабильное материальное положение, родительская семья, любящая мать, много братьев и сестер, интересная работа, возможность удовлетворять свои потребности в интеллектуальном труде – все это для философа стоит многого. Важно также отметить возможность творчества во все периоды жизни во многих областях знания, а в наибольшей мере – в философии. Разнообразие свойств его натуры, обширная самореализация, сохранение жизни в годы двух мировых войн – все это вехи его успешной жизни.

Для сравнения вспомним муки Д. Бруно, двадцатисемилетнее тюремное заточение Т. Кампанеллы, преследования Вольтера, Дидро, вынужденную смерть Сократа, многолетнюю эмиграцию А. Герцена и Н. Огарева, каторгу Н. Чернышевского, десятилетнюю ссылку Т. Шевченко без права писать и рисовать, ярлык сумасшедшего у П. Чаадаева, унижительное пожизненное нищенство И. Франко, двадцатипятилетнее вынужденное странствование Г. Сковороды и т. д. И придем к выводу, что благоустроенной жизни почти ни у кого из философствующих

за редким исключением не было и не бывает. Тем более, когда речь идет о большом таланте и гениальности. В этом варианте зависть, наветы, ложь, интриги, травля, поклепы перерастают в гигантских размеров преступления, за которыми стоят уничтожение культуры и стремление истребить ее носителей. Поэтому заключение Л. Витгенштейна о превосходно прожитой жизни указывает на реальную оценку им условий своей жизнедеятельности и знание суровой судьбы своих коллег. А в целом приходится констатировать его успешную самореализацию, учитывая, что профессиональные занятия философией не только нелегкий, но и часто социально опасный для здоровья и жизни труд.

Образ жизни человека по своей сущности сложное образование. Он полиструктурен, содержит в себе основные два уровня: творчески-деятельностный, связанный с условиями творческой работы и обеспечением системы ее обслуживания; и обыденный, представляющий собой комплекс средств, направленных на удовлетворение повседневных нужд и потребностей. Он в основном детерминирован функционированием системы потребления.

Творчески-деятельностный уровень способствует преобразованию действительности, созданию культуры. Сюда в полной мере относится и философский образ жизни.

Обыденный – направлен на овладение культурой, использование того, что уже кем-то создано. И это может осуществляться человеком по-разному и неоднородными способами.

Оба уровня взаимосвязаны между собой системами постоянного общения и отношений, благодаря которым происходит взаимообмен элементами разнообразных культур. Их единство состоит в удовлетворении потребностей человека. Но сами потребности различны по содержанию, направленности, уровню и функциям.

Данные уровни в жизни человека могут играть различную роль. Для одного, нацеленного на преобразование бытия, основной является миротворческая активность и определяющим выступает деятельностный уровень образа жизни. У другого – основные параметры жизни сконцентрированы на потреблении, вершины духа и интеллектуальные ценности для него не особенно значимы. Для него непререкаемы повседневные нужды и потребности. Система отношений в нем регулируется обыденным сознанием, где обобщения неглубоки, ведущую роль играют донаучные знания, не отягощенные полностью отражения действительности, но многократно проверенные жизненным опытом. В лучшем случае они аккумулируются в народную мудрость, в худшем – в свою противоположность – в царство слухов, предрассудков, сплетен и шаблонов. Ограниченность эмпирических условий бытия обуславливает преобладание в нем психологических установок по управлению поведением и общением. Безусловно, в жизни не все нуждается в углубленном познании. Бывает достаточно опыта, обыденного знания, передаваемого из поколения в поколение [7, с. 7–9].

Уровни пронизывают повседневность – поток обиходных ситуаций, без наличия которых невозможно существование человека. На обыденном уровне повседневность субъектами абсолютизируется, становится его остовом, а на творчески-деятельном воспринимается как данность, оценивается как жизненная основа, не всегда

радующая творца своей требовательной настоятельностью.

Активное изучение повседневности начало осуществляться еще в XVII–XVIII вв. [3, с. 2; 5, с. 64–65]. Попытки философов уяснить ее роль и место в системе бытийственных конструктов, определить ее сущностные координаты, ввести понятие в сонм философско-социологических категорий содержали поиск путей рецептирования ее параметров к задачам модернизации человеческой природы. Трактовки ее сущности были чрезвычайно полярными.

Необходимо отметить, что повседневность динамична постоянными пертурбациями реальной жизнедеятельности людей в пространственно-временном континууме.

Субъект обыденного образа жизни не является человеком науки, профессионального гуманитарного знания, философии, не участник сложного духовного производства. Чаще всего он даже не сориентирован на самопознание, саморазвитие и самообразование. Сформировавшаяся удовлетворенность собой и уже достигнутым не требует рефлексирования.

Большую роль в содержании и организации образа жизни играет социальная принадлежность субъекта, его социальный статус и социальные условия существования. Эти показатели имплицитно детерминированы материальной основой жизни общества. Чем ниже уровень материального обеспечения, тем больше времени и усилий уходит у человека на удовлетворение потребностей повседневной жизнедеятельности. Прогресс общества содействует улучшению бытовой стороны жизни: изобретаются различные устройства, облегчающие домашний труд, становятся более комфортабельными жилища, что увеличивает возможности регенерации здоровья, обретения жизненного равновесия и сил для противостояния различного рода трудностям. В таком случае быстрее восстанавливается требуемая душевная устойчивость, легче устраняется утомленность от напряженного рабочего дня, возникает больше возможностей для обязательного и необязательного общения, увеличивается количество свободного времени.

К. Циолковский сетовал на то, что быт занимает у человека очень много времени. Пожизненная зависимость от него в значительной мере тормозит личностное развитие человека, становление и развитие его творческой природы. Великий ученый утверждал, что человечество ждет «лучистое» будущее, когда необходимые продукты питания будут вырабатываться в организме человека под лучами солнца. И он не станет тратить так много усилий на обиход собственного тела и удовлетворение материальных потребностей.

Социальный статус человека, его образовательный уровень существенным образом влияют на содержательную характеристику обыденного образа жизни. Высокий уровень образования субъекта обыденности во многом определяет иную специфику: исчезает информационное однообразие, отсутствует тотальная сосредоточенность на себе, нет потребности в повсеместной развлекательности всего свободного времени. Одновременно наличествует интерес к серьезной книге, эстетический вкус и стремление наиболее полно реализоваться, социально активизироваться, быть небезразличным к общественным проблемам. А в итоге – в процессе подобного образа жизни формируется индивидуальность, которая позволяет

преодолевать узкие рамки обыденности и продолжать себя в творческом самовыражении, обновлении культуры [4, с. 339; 10, с. 68–69]. Подобный вариант позволяет человеку подняться не только на первый уровень творчества, но иногда в определенной мере достигать и второго. Незначительный социальный статус, низкий уровень образования резко изменяют содержание обыденной среды обитания человека. В подобном обыденном бытии нет места высоким духовным потребностям, своеобразию поведения, креативности, моральной и нравственной безупречности. Ему присущи: консервативность мышления, подвластность стереотипам, рабская зависимость от диктата моды, чтение низкопробной литературы, невариативность общения, безраздельная власть здравого смысла, стремление к мещанскому идеалу – «быть как все», «чтобы было не хуже, чем у других», – мечты о сладком постоянном ничегонеделании. При данном реестре характерных черт в образе жизни человек превращается в раба обыденщины, неспособного преодолеть мелочность своей натуры, тщеславие, зависть, интеллектуальную слабость, трагизм рутины и каждодневной монотонности.

С возрастом потребность в стабильности обыденной среды и обыденного образа жизни возрастает, так как увеличиваются бытовые обязанности, усиливается необходимость в восстановлении сил от трудового переутомления, так как в организме все больше накапливается изнуренность, многих одолевает синдром хронической усталости, появляются болезни. Ведь каждые сутки две трети землян хронически недосыпают, что отрицательно сказывается на здоровье и, как показывают исследования, часто провоцирует техногенные катастрофы. Юношество и молодежь в большей мере сориентированы на проведение нерабочего свободного времени вне дома в компании сверстников, за исключением тех, кто предпочитает компьютерное времяпрепровождение. Взрослые же ратуют за возможность отдохнуть в сфере обыденного пребывания, снять трудовое напряжение, удалившись от агрессивного прессинга общественной среды, многочисленных необязательных контактов, чтобы подготовиться к решению задач следующего рабочего дня. На современном этапе во многом наблюдается возрастание роли обыденности до ранга гиперсферы. Постоянное стремление уединиться в своем интимном мире приводит к сужению и деформации систем общения, утрате культурного стержня и креативности, индивидуализму, поверхностному отношению к сложностям миробытия.

Небезинтересно в этом плане философское эссе Н. Дьяченко «Хатній космос» [2, с. 5], где многогранно представлен генезис философского мышления и весь жизненный путь выступает как преодоление власти обыденщины. Автор рассматривает шаги зарождения философичности духа, экзистенциального мироощущения, возникновения философского интереса к разнообразию бытия у маленького ребенка. Малыш, одиноко сидя долгие годы дома взаперти из-за занятости мамы на сельскохозяйственной работе, детально рассматривает все, что его окружает. Слушает ветер, звуки сверчка, шум дождя или любит солнышком, заглядывающим в небольшое окошко. Яркие цветы во дворе, песни матери, ее любовь и забота, теплота и ласка пожилых людей по отношению к «ребятёнку» – все это «сельский социум» [2, с. 92]. Столь выразительные константы заложили с самого раннего детства основы любви к сельскому укладу жизни с его основательностью

реакций и устоев. Данные события происходили в тяжелейшие годы народных испытаний – в годы войны, в период немецкой оккупации, что еще рельефнее высвечивает роль спокойного внимания малютки к окружающей действительности.

Один ребенок, днями находясь один дома, постоянно умирает от страха, что какое-то чудище придет и съест его, другой – воспринимает подобное состояние с обидой на судьбу и бунтарски противится или озлобляется. А тут описаны истоки сосредоточенного восприятия жизни, когда от внимания к обыденным вещам и явлениям, тесного «общения» с ними ребенок приходит к философскому благомыслию, глубокому интересу к окружающему миру. Показано, как, сопоставляя, сравнивая, мысленно препарирова сложны процессы, дитя сосредотачивалось, углублялось в познании, приобретало острую наблюдательность и пронизательный ум. Очень ценна фиксированность генезиса философского алгоритма мышления. В ранней юности он был подкреплён моделью первой профессии – гидрометеоролога. После окончания техникума, в Карелии, приходилось каждый день «мерить» километры для снятия показаний с приборов. Тогда в разное время года были незабываемые встречи с чарующими красотами северного края. Эти впечатления запали в душу, закрепили потребность постичь сложности бытия, для себя уяснить возникающие ассоциации, апробировать значимость личных впечатлений, не выпасть из будущего. На склоне лет необычайно ценна потребность автора обратиться к своим духовным истокам, к своему «жизненному старту», воспроизведению «памяти сердца» [2, с. 7, 118]. Она выступает как тонкая подача величайшего респекта к «рідній істоті» [2, с. 92], что, по словам Петрарки, есть движение к «меду поздней мудрости». Обычно возраст клонит к покою – мудрому или немудрому, а у автора исследование детского интереса к деталям прошлого, сельского быта выступает не только модернизацией оптимизма, но и обоснованием интеллектуального прорыва. Столь нежные, лиричные воспоминания о корнях духовного и душевного мужания особо востребованы сейчас, когда морально-нравственные основы жизни поколеблены и обесценены. Стойкой тенденцией стало то, что современным юношеством часто не приобретаются навыки деликатных отношений, этикетного общения, преобладает бравада, цинизм, неуважение к старшим, у многих студентов наблюдается игнорирование социального статуса преподавателей, неприятие норм вежливости. Морально-культурное разложение молодого поколения приводит к существенным социальным противоречиям в ценностно-нормативной и мотивационно-целевой сферах, утрате смыслообразующих факторов, нравственной эрозии всего образа жизни.

В этом потоке социальных изменений последних десятилетий обыденный образ жизни особо примитивизируется, где игнорируются нравственные и слабые, выражается предпочтение безнравственным, но сильным. Отмеченные проявления обыденного образа жизни дают возможность вычленить его структурные элементы. В нем наличествует бытовая деятельность, каждодневное общение, повседневные отношения, обыденное сознание, обиходные ценности, традиции и нормы. Данные ингредиенты манифестируют компенсаторную, коммуникативную, регулятивную, мировоззренческую и праксиологическую функции. Последняя состоит в решении стандартных жизненных задач, без углубленного постижения глубинных слоев бытия.

В далеком прошлом недостаточность подобных позиций и повлекла за собой возникновение теоретического уровня познания. Именно он и в философском ракурсе наиболее полно удовлетворял познавательные потребности человека и нужды общества. На различных исторических этапах философское познание укрепляло свои основы и за счет организации соответствующего образа жизни.

В нашем понимании философский образ жизни – интегратор интеллектуальных усилий и устремлений мыслителя, аккумулятор его высокочеловеческих принципов и добросердечия, самоактуализатор парадоксализма его мышления, акцентизатор проблематизированного подхода к бытию, нейтрализатор духовных разрушений в обществе.

Слой обыденного в философском образе жизни – это минимальное образование, сведенное к каждодневной наименьшей обязательной хозяйственной обиходности. В нем отсутствует философская всеобъемность творчества. Выявленные показатели философского образа жизни санкционируют их обозначение как социокод. Исходим из определения, что код (code – фр.) – система определенных правил и совокупность знаков, при помощи которых информация может быть представлена в виде набора символов [8, с. 314]. И устанавливаем, что философский образ жизни – целостная система констант, направленных на создание приемлемых условий для психологического и интеллектуального равновесия философа и творческого разрешения им актуальных для общества задач.

Каждый творец создает свой кодекс индивидуальной партикулярной жизни, чем стремится обеспечить себе мысленосный режим по созданию смыслозначимого. Утверждать, что обыденный образ жизни по всем параметрам деструктивен, несостоятельно. Он по своей сущности имеет другого содержания функции, обслуживающие иной уровень потребностей и интересов. Обыденное сознание, как составная часть обыденного образа жизни, не ориентировано на глубинные постижения разного рода проблем, вскрытие их закономерностей и постоянную творческую погруженность в осмысливание тайн бытия. Его выводы менее глубоки, чем у научного и философского сознания, узки способы отражения. Людями в обыденном образе жизни чаще всего абсолютизируется повседневный опыт с его обманчивой видимостью вещей, властью кажимостей без точного научного знания, а со временем в нем аннулируется почти всякая креативность.

Пагубно, когда человек живет только законами обыденного образа жизни, с его усеченной духовностью, невариативным общением, внутренней отстраненностью от общественных процессов, постоянным существованием только в «пределах домашнего обихода», на всемирной обочине.

Утверждения некоторых философов 60-ых гг. XX века о тенденциях исчезновения обыденной сферы не оказались состоятельными, подобные прогнозы не оправдались. Да они и не могут подтвердиться. В связи с тем, что сфера потребления обслуживает насущные потребности человека, она неизбывна, пока он существует. Другой полюс уже современного дискурса, состоящего в абсолютизации обыденной сферы, декларирует убежденность, что чем больше человек потребляет, тем более интеллектуально богатым он становится. А это вызывает очень большие сомнения. Шопингомания никого пока в ньютоны не превратила. Это отчасти верно по

отношению к интеллектуальной элите постиндустриального общества, постоянно потребляющей информационные продукты высокого класса. Но все остальные – в погоне за символами престижного социального статуса, поклонением консюмеристским ценностным приоритетам, удовлетворением «ложных потребностей» (Г. Маркузе), боготворением мамы – нищают духовно. Всечасно обладая, или стремясь обладать, – некогда быть! Быть духовно благородным, радостно самозабвенным в творчестве, являть миру свой эвристический потенциал [9, с. 199].

На основе сказанного констатируем, что обыденный образ жизни содержит внутренний комплекс социальных установок, обеспечивающих решение вопросов, стоящих перед человеком в каждодневных пределах, но часто отстраняя его от адекватной самооценки и смыслообразования.

Выводы. По завершению сравнительного анализа образов жизни между собой необходимо отметить, что обыденный – объективно необходимая сфера, где происходит требуемая смена психофизиологических состояний человека, стабилизация резервов выживания, удовлетворение каждодневных материальных потребностей, где в той или иной мере стремятся достичь умиротворения. Но он характеризуется абсолютной властью инерционного здравого смысла, обыденных норм и стандартов, предопределяющих целенаправленное и повсеместное применение манипуляционных технологий [1, с. 232].

В повседневной обыденности с ее узкопрактичной деятельностью, лишенной подлинного креатива, господствуют «легкомысленный оптимизм» (Г. Марсель), отсутствие интереса к «высоким и тонким материям», отстраненность от сложностей времени, неоформленность стремлений в стройную систему.

Взаимосвязь обыденного образа жизни и философского постоянна, но минимальна, так как они руководствуются различными реестрами ценностей. Мыслители не приемлют склонность людей давать примитивные ответы на замысловатые вопросы, леность их мысли, нежелание воспринимать сложные процессы и явления, проникать в их сущность.

Философский образ жизни способствует развитию креативности сознания, стабилизации конструктивного мышления у людей высочайшей интеллектуальности – авгуров, формированию высоконравственных идей, парадоксальной свежести мысли, возникновению утонченных духовных порывов.

В связи с этим у общества возникает потребность расширить рамки философского образа жизни для увеличения значимости его ценностной шкалы субъектом обыденного образа жизни, для будущей философизации социума.

Литература:

1. *Грачев Г.* Манипулирование личностью / Г. Грачев, И. Мельник. – М. : Алгоритм, 2003. – 384 с.
2. *Дяченко М. В.* Хатній космос: нариси-есе / М. В. Дяченко. – Х. : Майдан, 2009. – 120 с.
3. *Карпенко І. В.* Філософська рецепція повсякденності в просторі культури: автореф. дис. ... доктора філос. наук: (09.00.04 – філософська антропологія, філософія культури) / Карпенко Іван Васильович; Харківський держ. ун-т імені В. Н. Каразіна. – Харків, 2007. – 37 с.

4. *Косяк В. А.* Эпистемология человеческой телесности / В. А. Косяк. – Сумы : Университетская книга, 2002. – 364 с.
5. *Леонтьева В. Н.* Культуротворческий процесс: основания и начала / В.Н.Леонтьева. – Х. : «КОНСУМ», 2003. – 216 с.
6. Людвиг Витгенштейн: человек и мыслитель / Сост. и заключит. ст. В. П. Руднева. – М. : Издательская группа «Прогресс», «Культура», 1993. – 352 с.
7. *Рубинский Ю. И.* Французы у себя дома / Ю. И. Рубинский. – М. : Мол. гвардия, 1989. – 285 с.
8. Словарь иностранных слов / Отв. ред. В. В. Бурцева, Н. М. Семенова. – М. : Рус. яз. – Медиа, 2003. – 820 с.
9. *Стрелков В. И.* Духовность и творчество / В. И. Стрелков // Человек как философская проблема: Восток – Запад / Отв. ред. Н. С. Кирабаев. – М. : Изд-во УДН, 1991. – С. 197–209.
10. *Швейцер А.* Благоговение перед жизнью / А. Швейцер. – М. : Прогресс, 1992. – 576 с.